

О ПРАВЕ РЕБЕНКА НА ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с реализацией права ребенка на возбуждение уголовного дела частного обвинения.

Ключевые слова: ребенок, права, частное обвинение, возбуждение уголовного дела, частный интерес, диспозитивность, суд, судебное решение.

Конституция РФ (ст. 46) гарантирует каждому заинтересованному лицу доступность судебной защиты прав и законных интересов, при этом ограничений по возрасту не указывает. Осуществление этого права в конкретном процессе связано с соблюдением определенных условий, к числу которых относятся:

– процессуальная правоспособность заявителя, т.е. способность быть стороной в процессе. Эта предпосылка определяет субъекта-носителя права на обращение в суд;

– правила о подсудности, т.е. требование о защите должно подлежать рассмотрению в суде, а не в каком-то другом органе.

– исключительность вступивших в законную силу судебных актов. Механизм судебной защиты может быть использован соответствующим лицом по конкретному делу только один раз.

В соответствии с ч.2 ст. 20 и ст. 318 УПК РФ (УПК) уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 115 ч.1, 116 ч.1, ст. 129 ч.1 и ст. 130 УК РФ, возбуждаются путем подачи в суд заявления самим потерпевшим или его законным представителем, а в случае смерти потерпевшего – его близким родственником.

Основным правомочным субъектом возбуждения дел частного обвинения является потерпевший. Его процессуальный статус в этой стадии отличается известным своеобразием. Согласно положениям ч.2 ст. 20 и ст. 22 УПК потерпевший, выступая на стороне обвинения, является инициатором возбуждения уголовного преследования и привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего в отношении него преступное деяние. Бремя доказывания обстоятельств, указанных в заявлении возложено, прежде всего, на потерпевшего. Помимо потерпевшего правом на подачу заявления обладают также законные представители.

Правом принесения заявления законные представители были наделены еще Уставом уголовного судопроизводства: «Жалоба частных лиц приносится мировому судье... теми, коим по закону представлено право ходатайствовать за них...» [1, с. 122]. В советский и постсоветский период развития уголовно-процессуального законодательства в соответствующих кодексах отсутствовала аналогичная норма. Лишь ФЗ РФ от 07.08.2000 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» законному представителю было представлено такое право. Хотя, следует заметить, и до введения указанного закона в действие в практике применения уголовно-процессуального законодательства за законным представителем признавалось право на подачу заявления.

Несомненный интерес представляют условия, при наличии которых представитель выступает инициатором возбуждения уголовного преследования по делу частного обвинения. Специальные нормы, регламентирующие порядок производства по делам частного обвинения, установленные в гл. 41 УПК, рассматриваемый вопрос не регулируют. В общих положениях гл. 6 УПК законодатель ограничивается перечислением оснований для вовлечения законного представителя в процесс, не учитывая особой природы института частного обвинения. Так, анализ содержания ч. 2 ст. 45 УПК позволяет говорить о случаях вовлечения законного представителя в уже возбужденное уголовное дело. В том случае, когда уголовное дело частного обвинения возбуждается путем подачи заявления законным представителем потерпевшего, привлечение его в дело невозможно, так как он сам выступает инициатором судопроизводства. Именно законный представитель в последующем, при соблюдении условий, установленных законом (ч.7 ст. 318

УПК), будет признан частным обвинителем. Более того, судьба процесса во многом будет зависеть от волеизъявления законного представителя, а не самого потерпевшего.

УПК не ставит право законного представителя потерпевшего на подачу заявления в зависимость от волеизъявления последнего. Однако совсем не учитывать волю потерпевшего было бы неправильным, так как частное обвинение выступает индивидуальным средством защиты личных интересов именно потерпевшего. Законный представитель допускается в уголовное дело лишь для того, чтобы совершать процессуальные действия в интересах представляемого лица. Прав был Л.Я. Таубер, указывая на то, что «...если жалоба подается не лично потерпевшим, а его законным представителем, необходимо, чтобы из самой жалобы явствовало, что лицо, ее принесшее, действует в качестве представителя потерпевшего» [2, с.53].

В дореволюционной и современной юридической литературе не сложилось более или менее единого мнения по данной проблеме, что обусловлено, прежде всего, отсутствием правовой регламентации понятия уголовно-процессуальной дееспособности. В этой связи теоретически и практически значимым является вопрос об уголовно-процессуальной дееспособности потерпевшего и критериях его способности лично защищать свои права и законные интересы. Необходимость легализации этого понятия обусловлена тем, что законодатель, наделяя участников уголовного судопроизводства правами и обязанностями, заинтересован в том, чтобы участники на всех этапах процесса по уголовному делу могли их реализовать в целях наиболее полного и всемерного отстаивания личных интересов.

Так, Л.Я. Таубер писал: «... малолетний, т.е. не достигший 17-летнего возраста, не может принести жалобу лично. Его в этом праве заменяет родитель, опекун или попечитель. Также точно законный представитель должен заменять в праве жалобы находящегося под опекой вследствие болезни, глухонемой» [2, с. 390]. Приведенное положение разделяли И.Я. Фойницкий, Н.С. Таганцев, С.В. Познышев [3, с. 33-34; 4, с. 41; 5, с. 642-643]. А среди советских ученых – А.Г. Мазалов, Е.В. Топильская [6, с. 52-55; 7, с. 84-88].

На современном этапе развития уголовно-процессуальной науки данную позицию разде-

ляют В.В. Дорошков, О.С. Головачук и др. Они считают, что право законного представителя на подачу заявления возникает лишь в случае недееспособности потерпевшего по возрасту (до 16 лет) либо состоянию здоровья [8, с. 20; 9, с. 15; 10, с. 128].

Другие ученые (М.А. Чельцов, В.З. Лукашевич, Н.Я. Калашникова, на современном этапе – А.В. Ленский, Ю.К. Якимович), высказали иную точку зрения, согласно которой правом подавать заявление обладает как сам несовершеннолетний, а так же лицо, страдающее физическими или психическими недостатками, так и его законный представитель [11, с. 101; 12, с. 53; 13, с. 59-61; 14, с. 16-18].

Учитывая положения Конвенции о правах ребенка 1989 года, ряд авторов полагают, что «... лица моложе шестнадцати лет также могут в полной мере осознавать фактический характер своих действий..., а потому несовершеннолетним потерпевшим уже при достижении 14-летнего возраста должно быть предоставлено право на возбуждение уголовного дела частного обвинения» [15, с. 120-122].

Несмотря на разнообразие суждений по данному вопросу, все авторы, тем не менее, единодушны в главном – реализация в полном объеме процессуальных прав и законных интересов потерпевшего находится в прямой зависимости от его возраста, психического или физического состояния. Именно они выступают необходимыми условиями уголовно-процессуальной дееспособности.

Хотелось бы проанализировать лишь возрастной критерий, влияющий на дееспособность лица. Возраст предусмотрен законодателем во многих отраслях права, в том числе и уголовным. Так, уголовная ответственность наступает в большинстве случаев при достижении несовершеннолетним 16-летнего возраста, за отдельные виды преступлений, перечисленных в ст. 20 УК РФ – с 14 лет. Учитывая взаимосвязь и взаимообусловленность уголовно-процессуальных и уголовно-правовых отношений, логично предположить, что именно по достижению 16 лет большинство граждан наделяются процессуальными правами подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, и могут сами эти права осуществлять. Отсюда возраст наступления уголовно-процессуальной дееспособности для всех участников уголовного про-

цесса, не зависимо от статуса, должен быть одним: как для потерпевшего, так и для обвиняемого. Иначе выходит странная ситуация, при которой лицо, достигшее 16-летнего возраста, обязано нести уголовную ответственность за содеянное, но при этом лишено возможности самостоятельно решить вопрос о привлечении к уголовной ответственности тех, кто нарушил его права. Более того, при принятии заявления о преступлении, руководствуясь ч.6 ст. 318 УПК, заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ. Ответственность за данный вид преступления предусмотрена также с 16-летнего возраста.

С учетом изложенного, необходимо установить уголовно-процессуальную дееспособность несовершеннолетнего потерпевшего с достижением 16 летнего возраста. Иначе говоря, такой несовершеннолетний потерпевший вправе либо самостоятельно, либо через своего законного представителя обратиться за защитой своего нарушенного права к государству. В последнем случае в заявлении, подаваемом законным представителем, должна быть отражена позиция самого потерпевшего (согласие, отсутствие возражений), т.е. за последним сохраняется в полной мере и свобода в распоряжении спорным материальным правом. Именно он должен вы-

ступать активным участником в отстаивании своего личного интереса, а законный представитель будет допущен в уголовное дело лишь для совершения процессуальных действий в интересах представляемого лица.

В случае недостижения несовершеннолетним 16 лет, либо законный представитель один (отец, либо мать) и им совершены соответствующие противоправные действия в отношении ребенка, а также, если законный представитель бездействует, ребенок имеет право обратиться в соответствующие правоохранительные органы (в милицию, прокуратуру) [16]. В указанной ситуации обращение несовершеннолетнего к государству будет иметь лишь значение повода для возбуждения уголовного дела в общем порядке. Причем само производство примет публичный характер.

В перечисленных случаях возбуждение уголовного дела по признакам преступления, преследуемого в порядке, установленном ч.2 ст. 20 УПК, возможно и без соответствующего обращения ребенка в правоохранительные органы при наличии общих условий для возбуждения уголовного дела. При этом преследование, безусловно, приобретает характер публичного преследования и, следовательно, уголовно-процессуальная деятельность осуществляется в общем порядке.

16.01.2012

Список литературы:

1. ст. 43 Устава уголовного судопроизводства 1864 г / Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа. Т.8. М., 1991.
2. Таубер Л.Я. Преступления, преследуемые только по заявлению потерпевшего и реформа уголовного законодательства в России. СПб., 1905.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1989. Т.2.
4. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. СПб., 1902.
5. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912.
6. Мазалов А. Особенности производства по делам частного обвинения //Социалистическая законность. 1971. №10.
7. Топильская Е.В. О правовом понятии беспомощного состояния потерпевшего //Вестник ЛГУ. Серия 6. 1989. Вып. 4. №27.
8. Дорошков В.В. Материально-правовые и процессуальные аспекты частного обвинения: автореф. дис. ...канд.юрид. наук. М., 1997.С.20;
9. Головачук О. С.Частное обвинение в уголовном процессе: атореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.
10. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам /Под общ. ред. В.М. Лебедева и Б.Н. Топорнина. М., 1999.
11. Чельцов В.А. Советский уголовный процесс. М., 1951.
12. Калашникова Н.Я. Судебное разбирательство дел частного обвинения. М.. 1962.
13. Катькало С.И., Лукашевич В.З. Производство по делам частного обвинения. Л., 1972.
14. Ленский А.В., Ю.К. Якимович. Производство по делам частного обвинения в уголовном процессе России. Томск, 1998.
15. Корнуков В.М., Лазарев В.А., Холоденко В.Д. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности. Саратов, 2002.
16. Конвенция о правах ребенка 1989 г. Обязывает государство обеспечивать любому ребенку, способному сформулировать собственные взгляды, независимо от его возраста право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка (ст. 12).

Сведения об авторе: **Тензина Е.Ф.** доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук